

**Рец. на кн.: ALEX BLANCHETTE. PORKOPOLIS:
AMERICAN ANIMALITY, STANDARDIZED LIFE,
AND THE FACTORY FARM.**

Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.

Степан Игоревич Петряков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

Аннотация: Книга посвящена масштабному эксперименту по индустриализации свиноводства в якобы пост-индустриальных США. Автор показывает, как благодаря новым формам труда и социальности в самом сердце глобального Севера корпорации занимаются созданием и поддержанием жизни стандартизированной промышленной свиньи, из которой можно производить более тысячи товаров. «Поркополис» знакомит читателя с рабочими местами промышленной фермы, которая меняет повседневную жизнь трудящихся, нарушает видовую иерархию и открывает для людей возможность переосмысления совместной жизни друг с другом. Богатая этнография, одинаково чувствительная как к феноменологии, так и к политической экономии труда, ставит под вопрос некоторые положения современного евроамериканского здравого смысла. Индустриализация как ключевой аспект капиталистического способа производства по-прежнему играет фундаментальную роль в сельском хозяйстве, а изменение основ промышленного производства продуктов питания невозможно путем трансформации индивидуальных практик потребления.

Ключевые слова: капитализм, труд, исследования животных, еда, индустриализация США.

Для ссылок: Петряков С. Рец. на кн.: Alex Blanchette. Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p. // Антропологический форум. 2024. № 60. С. 226–239.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-226-239

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/petryakov.pdf>

**A Review of ALEX BLANCHETTE, PORKOPOLIS:
AMERICAN ANIMALITY, STANDARDIZED LIFE,
AND THE FACTORY FARM.**

Durham, NC: Duke University Press, 2020, 320 pp.

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

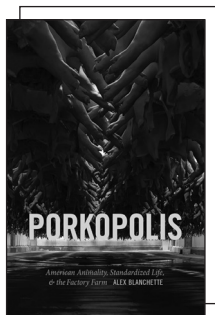
Abstract: The book depicts a dynamic experiment in industrializing the pork industry in the post-industrial United States. The author demonstrates how in the heart of the Global North corporations seek to create and maintain the life of a standardized industrial pig which serves as a source material for more than a thousand commodities. “Porkopolis” introduces the reader to the workplaces of a factory farm that changes the daily lives of workers and the hierarchy of humans and non-humans. Thereby it opens the possibility of reimagining life shared with other species. A rich ethnography, equally sensitive to both phenomenology and the political economy of labor, challenges some aspects of contemporary Euro-American common sense. Industrialization as a basic feature of the capitalist mode of production still plays a fundamental role in agriculture, and changing the basis of industrial food production is not possible by transforming individual consumption practices.

Keywords: capitalism, labor, animal studies, food, industrialization, USA.

To cite: Petryakov S., ‘A Review of Alex Blanchette, Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 320 pp.’, *Anthropologicheskij forum*, 2024, no. 60, pp. 226–239.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-226-239

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/petryakov.pdf>

Рец. на кн.: **Alex Blanchette**. *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020. 320 p.

Книга посвящена масштабному эксперименту по индустриализации свиноводства в якобы постиндустриальных США. Автор показывает, как благодаря новым формам труда и социальности в самом сердце глобального Севера корпорации занимаются созданием и поддержанием жизни стандартизированной промышленной свиньи, из которой можно производить более тысячи товаров. «Поркополис» знакомит читателя с рабочими местами промышленной фермы, которая меняет повседневную жизнь трудящихся, нарушает видовую иерархию и открывает для людей возможность переосмысления совместной жизни друг с другом. Богатая этнография, одинаково чувствительная как к феноменологии, так и к политической экономии труда, ставит под вопрос некоторые положения современного евроамериканского здравого смысла. Индустриализация как ключевой аспект капиталистического способа производства по-прежнему играет фундаментальную роль в сельском хозяйстве, а изменение основ промышленного производства продуктов питания невозможно путем трансформации индивидуальных практик потребления.

Ключевые слова: капитализм, труд, исследования животных, еда, индустриализация США.

Какова производственная «изнанка» свинины на прилавках супермаркетов? Что представляют собой животное и (пост)человеческий труд, погруженные в контекст извлечения прибыли? Что такое «промышленное» в современном свиноводстве? Этими вопросами задается Алекс Бланшетт в книге «Поркополис: американская абстрагированная животная жизнь, стандартизация и промышленная ферма», вышедшей в 2020 г. и уже успевшей удостоиться престижных антропологических премий имени Виктора Тернера и Грегора Бейтсона.

Алекс Бланшетт — антрополог из университета Тафтса. Сфера его исследовательских интересов — индустриальный труд и политическая экономия окружающей среды. «Поркополис» написан на материалах 24 месяцев полевой работы в сельских промышленных зонах на американском Среднем Западе. Ежегодно там забивают более семи миллионов свиней. В начале 1990-х гг. в регион «зашли» несколько корпораций, чтобы «вертикально интегрировать» свиновод-

Степан Игоревич Петряков
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

ческую отрасль¹. Благодаря сезонным рабочим, налоговым льготам и новым технологиям корпорации сумели соединить в общий производственный цикл генетические лаборатории, свинофермы, заводы по изготовлению комбикормов, бойни и предприятия по переработке субпродуктов и продуктов жизнедеятельности свиней (костей, мозгов, шкур или эксскрементов). Однако перед нами не просто очередная история построения цепочки поставок с целью минимизации издержек. Стремясь воплотить в жизнь утопии фордистской эпохи, проект вертикальной интеграции свиноводства предполагал создание и нового животного — крайне плодovitой стандартизированной свиньи. Контроль над ее жизнью и смертью, во-первых, тотален, во-вторых, осуществляется посредством новых форм труда и социальности.

Теоретический инструментарий «Поркополиса» богат настолько, насколько этого требует анализ отношений между трудом и капиталом в XXI в. Бланшетт обращается к этнографии свиноводства, чтобы исследовать более широкий контекст промышленного производства в США и сопутствующих ему проектов стандартизации труда и жизни. Иными словами, свиньи лишь служат отправной точкой для исследования классовых, гендерных и межвидовых отношений, возникающих в ходе индустриализации сельского хозяйства. Поэтому читателя не должна смущать разнородность аналитического аппарата, который выстраивает автор: марксистский анализ фордистского производства [Gramsci 1971; Braverman 1974] сочетается в книге с феминистскими исследованиями труда [Federici 1975; Rubin 1975; Weeks 2011], критикой эпистемических привычек антропоцентризма [Haraway 2008; Raffles 2010; Kohn 2013] и фокусом на отношении между «более-чем-человеческой социальностью» и накоплением капитала [Moore 2015; Tsing 2015]. Перед нами амбициозная попытка переосмысления труда по ту сторону человека. Более полно эти теоретические построения, как кажется, развернуты в другой публикации автора [Besky, Blanchette 2019]. В настоящей рецензии нет места для обсуждения того, насколько политически и теоретически последователен подобный проект. Я ограничусь лишь замечанием, что изучение тотальности современного капитализма, по-видимому, требует определенной доли теоретической недисциплинированности и, что еще важнее, этнографического воображения. «Поркополис» это блестяще демонстрирует.

¹ Вертикальная интеграция — это концепция объединения всех звеньев производства в единый контролируемый процесс, которая берет начало в индустриальных проектах 1920-х гг. Сейчас эту идею возрождает современный агробизнес.

Но что же такое тотальность капитализма, понятая этнографически? В каком-то смысле это и есть ключевой вопрос Бланшетта. Антрополог признается, что «Поркополис» — это попытка (невозможного) познания тотальности промышленного мяса. Соответственно, композиционно книга построена вокруг фаз жизни промышленной свиньи, а каждый раздел посвящен одному из рабочих мест, организованных вокруг этих фаз. Таким образом, читатель знакомится с полным производственным циклом современного индустриального свиноводства в нескольких вертикально интегрированных корпорациях. Исследовательские амбиции автора вполне соответствуют объему полевых работ. Бланшетт два года общался с менеджерами компаний, трудился вместе с рабочими на свиноводческих фермах, а также жил в небольшом городе под названием Диксон, социальные и экологические ритмы которого обусловлены промышленной фермой. Бланшетт сочетает традиционные формы антропологического повествования с феноменологически чувствительной автоэтнографией. Книгу дополняют снимки Шона Спрэга — канадского фотографа, который провел с Бланшеттом в Диксоне три месяца.

Этнография промышленного свиноводства, как и всякая хорошая этнография, во многом построена на критике форм и положений здравого смысла (см.: [Herzfeld 2001]). Поэтому «Поркополису» чужд либерально-разоблачительный пафос журналистского расследования или зоозащитного дискурса. Вместе с тем эта книга не является и привычной критикой человеческого господства над животными. Но точно так же Бланшетт не пытается увидеть на фермах лишь обнадеживающие формы межвидового сотрудничества. Кроме того, на протяжении всего повествования автор ставит под сомнение расхожий тезис о постиндустриальной природе современного американского капитализма.

Каждая часть книги начинается с этнографической интерлюдии, которая задает линию для последующих рассуждений. Первая часть («Боров») открывается следующей зарисовкой. Джеймс, некогда борец с корпоративным вмешательством в сельское хозяйство, отмечает следы присутствия индустриальной фермы неподалеку от своего дома: мухи-мутанты, густой запах навозных лагун и огромное количество диких кроликов на его участке. Эти следы свидетельствуют о том, что промышленные свиньи, якобы изолированные от остального мира, способны превращаться в экосистему. Виньетка суммирует ключевой аргумент первой части: ферма не ограничивается стенами свинарников, но, просачиваясь сквозь них, трансформирует все вокруг.

Тезис, согласно которому фабричное производство глубоко укоренено в процессах, происходящих за его пределами, не нов. Теоретики-феминистки давно указали ключевую роль домашнего труда в воспроизводстве классовых отношений на фабрике [Federici 1975]. Однако в контексте того, что Бланшетт называет «политической экономией видообразования» (*political economy of speciation* — р. 46), критика дихотомии внутреннего и внешнего в капиталистическом производстве становится не-тривиальной.

Процесс *стандартизации животного* заключается в создании однородного тела свиньи, что, с одной стороны, снижает расходы на рабочую силу, с другой стороны, позволяет сделать систему промышленной фермы потенциально масштабируемой. В этой связи примечательно различие между животным (*animal*) и абстрактной животной жизнью (*animality*), которое Бланшетт вводит на первых страницах книги (Р. 26). Если под первым подразумевается животное как конкретный организм, то под вторым следует понимать идею, позволяющую свести тысячи отдельных жизней к абстрактной единице.

Антрополог подчеркивает, что создание такой стандартизированной жизни потребовало тотальной фрагментации вида и труда, перестроив заодно и региональную карту социальных классов и повседневную жизнь рабочих. Так, существует около тринадцати различных типов свиней, которые лежат в основе «мясной свиньи», отправляемой на убой. Сообразно принципу фрагментации наемные рабочие вынуждены иметь дело лишь с одним типом или даже с конкретным элементом животной жизни. Кто-то имеет дело с хряками, кто-то работает только с «мясными свиньями», кто-то занят искусственным осеменением, кто-то следит за состоянием кожных покровов животных, а кто-то ежедневно разделяет тысячи туш. Менеджеры же имеют дело с абстрактной идеей «Гурта».

Такая модель разделения труда, наряду с фрагментацией вида, привела к тому, что промышленная свинья крайне уязвима для заболеваний. Поэтому менеджеры погружены в разработку протоколов биобезопасности. Нормативы одной из компаний гласят, что физический контакт между работниками разных производственных участков вне рабочего места может опосредованно привести к заражению свиней. В результате, например, работница, ухаживающая за новорожденными поросятами, не должна контактировать с обвальщиком туш, а менеджеры разных уровней могут встречаться друг с другом лишь по случаю корпоративных праздников. В контексте индустриального хозяйства рутинные действия вне рабочего места неявным образом связываются с поддержанием здоровья животных,

а социальная жизнь работников осмысливается корпорацией как угроза жизни промышленных свиней.

По мнению Бланшетта, у этого процесса фрагментации есть несколько любопытных особенностей. С одной стороны, перед нами постантропоцентричная классовая политика, где и менеджеры, и рабочие, формально находясь в неравных отношениях, тем не менее в равной степени вынуждены выстраивать жизнь вне работы сообразно животной жизни, с которой они в буквальном смысле соприкасаются на фермах. Иными словами, социальный класс становится опосредован способами взаимодействия со свинями. С другой стороны, мы видим постчеловеческий труд, поскольку способность к размножению и иммунная система свиней становятся тем, что создают рабочие. В то же время жизнь трудящихся вне производства, структурированная протоколами биобезопасности, превращается в форму невидимого труда по поддержанию хрупкой жизни промышленных свиней. Малейшие действия рабочих, от поиска квартиры до распития вина в парке, рассматриваются корпорацией как влияющие на иммунную систему животных, а сами работники превращаются в самодисциплинированных субъектов биобезопасности, которые контролируют собственное поведение далеко за пределами фермы¹.

Это также постантропоцентричное производство *per se*, в котором человеческая социальность распознается корпорацией как потенциально опасная. Теория промышленного производства свинины, разработанная менеджерами, демонстрирует, что угрозу для индустрии составляют не бесконтрольные передвижения диких животных или насекомых, что свойственно, например, антропоцентричным страхам перед зоонозными заболеваниями, но человеческий труд и его подозрительные субъекты.

Здесь следует обратиться к критике некоторых ходов в аргументации автора. Бланшетт полагает, что в случае индустриального свиноводства социальные классы формируются через отношение людей к другому виду. Контакты людей с разными частями и жизненными фазами промышленной свиньи структурируют социальное пространство. Тем самым автор «Поркополиса» отождествляет работу с классовой принадлежностью. Подобный аналитический ход в предельном случае увеличивает количество классов соразмерно типологии рабочих мест. Однако все наемные работники ферм, включая менеджеров,

---

¹ Сама идея биобезопасности, как показывает Бланшетт, имеет весьма далекое отношение к профилактике эпизоотий. Ее основная функция состоит скорее в довольно традиционной для индустриального капитализма дисциплине труда.

продают свой труд и, следовательно, все-таки принадлежат к одному классу (во всяком случае, в рамках несколько старомодной онтологии марксизма). Напротив, место, занимаемое наемным работником относительно промышленной свиньи, будет лишь частной вариацией в более общей классовой композиции. Конечно, обсуждение социальных классов с учетом мультитивидовой перспективы было бы полезно для антропологии труда и класса [Kasmir, Carbonella 2008; Carrier, Kalb 2015]. Далее можно было бы рассуждать о классах по ту сторону человеческой социальности, обращаясь, например, к понятию «биотариата»: форм жизни, дающих энергию для капиталистического накопления [Collis 2016; Moore 2021]. При этом генезис социальных структур, по-видимому, все же следует рассматривать с оглядкой на исторически более стабильные отношения, будь то собственность на средства производства, образ жизни или динамика затрат энергии в отношении капитала.

Подобная критика применима и к рассуждениям Бланшетта о новых формах постантропоцентричного производства, при которых абстрагированная животная жизнь подчиняет себе социальные отношения людей, а промышленное воспроизводство другого вида будто бы становится самоцелью. Впрочем, Бланшетт не делает акцент на том, что свинья возвращается на прилавки супермаркетов в виде товара, который покупают люди, по большей части тоже наемные работники. Собственно, даже дисциплина протоколов биобезопасности вносит скрытый вклад в воспроизводство устойчивого отношения между трудом и капиталом, т.е. попросту обеспечивает товарами миллионы (не)видимых работников, вынужденных вновь и вновь отчуждать свой труд в разных формах. Как следствие, жизнь конкретного вида оказывается вплетена в процесс воспроизводства человеческой способности к труду. Таков цикл воссоздания капитала и его власти, известный нам по «Капиталу», критически дополненный марксистским феминизмом, а историко-антропологически детализированный Сидни Минцем [Mintz 1986]. Имел ли этот процесс хоть когда-нибудь отношение к человеку, равно как и к другим видам, которые выступают здесь средством, но не целью, большой вопрос.

Во второй части «Поркополиса» («Свиноматка») мы знакомимся с трудовым опытом Бланшетта на линии искусственного оплодотворения. Операторы этого рабочего места должны буквально «превратиться в кабана», имитируя спаривание и запуская репродуктивный инстинкт свиноматки с помощью собственного тела. Бланшетт показывает, как этот производственный этап основан на освоении и проживании отдельного элемента «естественной» природы свиньи людьми. В свою очередь, свиноматка на этом этапе редуцируется до своего

репродуктивного инстинкта. Следовательно, биологические свойства, которые когда-то «принадлежали» виду, отчуждаются, чтобы превратиться в так же отчуждаемый человеческий труд.

Внимание к инстинктивному в контексте индустриальной фермы, по мнению Бланшетта, вовсе не случайно. Инстинкт, будучи стереотипным действием, доведенным до автоматизма, представляет собой ключевой ресурс для создания стандартизированных форм труда. Репродуктивный инстинкт свиноматки отпечатывается в мышечной памяти работников линии инсеминации, которые тем самым могут быть уподоблены трудящимся на конвейерах эпохи Генри Форда и Фредерика Тейлора. Бланшетт переносит читателя из свиарника в конференц-залы отелей, где менеджеры корпораций обсуждают японские теории послевоенного промышленного производства, жонглируют терминологией из индустриальных 1920-х и грезят об особой «культуре [индустриальной] интеграции». Антрополог в очередной раз напоминает, что словосочетание «промышленная ферма» в заглавии книги не метафора-оксюморон, но общая матрица для построения современного агробизнеса.

Аргументы Бланшетта вдвойне интересны, если учесть, что внимание современных антропологов зачастую сосредоточено на немасштабируемых формах хозяйства [Tsing 2012], а мысль о конце индустриального труда не чужда даже левой критике [Hardt, Negri 2004]. Автор «Поркополиса», напротив, знакомит читателя с тем, как гипериндустриализированное производство появляется не в странах глобального Юга, но в самом сердце «постиндустриального» глобального Севера. Индустриальность в этнографии Бланшетта выступает не как призрак или руина, напоминающая о прошлом [Edensor 2005], но как рациональное решение, здесь и сейчас связывающее человеческий труд и животных.

Третья часть книги посвящена сверхплодовитой свиноматке и ее помету («Свинина»). Здесь нужно оговориться, что Бланшетт, отчасти противореча самой логике капиталистической фермы, называет свиней «животными» и пользуется терминами «вид», «межвидовой», «животный труд». Однако многое указывает на то, что индустриальные животные — это артефакт. Как напоминает антрополог, промышленная свинья — создание настолько нежизнеспособное, что требует постоянной человеческой работы. Сама физиология животного радикально изменена в целях увеличения численности помета. Такую ситуацию, где жизнь очень сложно отличить от не-жизни, можно описать как неопределенную.

У читателя может сложиться впечатление, что промышленные свиноматки несильно отличаются, например, от элеватора для

зерна или доменной печи. Существует даже соблазн рассматривать живых существ в свинарниках как форму капитала, т.е., согласно известному определению, мертвый труд, который, «как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» [Маркс 1952: 258]. Тем не менее Бланшетт убежден в том, что промышленная свинья не может быть сведена к продукту «исключительно» человеческого труда. Между людьми и свиньями завязываются непростые отношения, что и актуализирует идею межвидовой близости. Например, усовершенствование репродуктивных качеств свиноматок приводит к таким огромным пометам, что зародышам не хватает питательных веществ. В результате некоторые поросята, которых рабочие называют «заморышами» (*runt*), оказываются чрезвычайно слабыми. Тщедушных «заморышей» нужно выходить в течение двадцати дней, иначе их усыпят. Так во имя спасения их жизни рождается политика межвидовой близости. В рамках этой политики работники (но чаще работницы), ухаживающие за маленькими поросятами, начинают испытывать пылкие чувства в отношении хрупкой жизни животного.

Эту сентиментальную историю легко было бы трактовать в русле «антропологии добра» [Robbins 2013]. Однако Бланшетт придерживается иной интерпретации. С его точки зрения, забота о хилых «заморышах» есть производительная сила, а самоотверженная любовь к существам другого вида оборачивается перепроизводством животных¹. Этот процесс хорошо вписывается в логику увеличения нормы корпоративной прибыли. Автор подчеркивает, что и «заморыши», и забота трудящихся о них встроены в структуру эксплуатации труда и межвидового насилия, в которой крупные пометы свиноматок требуют все новой и новой рабочей силы. Любопытно, что такая схема эксплуатации далека от привычных образов отчуждения человека от продукта собственной деятельности, но, напротив, опирается на их чрезмерную близость.

На протяжении третьей части Бланшетт подчеркивает, что промышленная ферма создает радикальные формы межвидовых отношений и знаний: жестокие условия стандартизированной эксплуатации дают возможность переосмыслить идею совместной жизни с другими видами. Если моя трактовка этого аргумента верна, то пафос построений Бланшетта состоит в следующем. Пересмотр отношений человека с не-людьми случится в весьма неожиданном с точки зрения буржуазного здравого

¹ Здесь эвристически ценным оказывается аргумент Сильвии Янагисако, согласно которому «аффективные идеи и идеи с аффектом» формируют и ограничивают капиталистическое производство [Yanagisako 2002]. В книге Бланшетта это любовь и забота о другом виде.

смысла месте — душных свинарниках с удешевленной сезонной рабочей силой. Другими словами, стандартизация человеческого и нечеловеческого труда на промышленных фермах способна создать постантропоцентричную солидарность.

Эта логика в какой-то степени наследует марксистской. Подобно тому как рабочие в условиях фабричного производства, гомогенизации ритмов жизни и повышенной концентрации рабочей силы осознают себя классом, эксплуатируемые «люди» и «животные», погруженные в одинаковый материальный контекст промышленной фермы, должны осознать себя как нечто по крайней мере взаимосвязанное.

Философ Алан Бадью недавно заметил, что среди интеллектуального класса глобального Севера уже давно набирает популярность стратегия, согласно которой нужно удалиться, например, в сельскую местность, чтобы отыскать там новые «формы жизни», заменяющие деструктивную капиталистическую машину. Бадью назвал эту стратегию экологическим буддизмом [Badiou 2022: 12]. Рассуждения же Бланшетта диаметрально противоположны: ответы на политически актуальные вопросы он предлагает искать не в глубоко консервативных идеалах традиционного сельского хозяйства или «уходе в лес», а в самом сердце капиталистической машины.

Четвертая часть книги («Туша») посвящена «вертикальной интеграции» тел рабочих. Хотя линия разделки свиных туш (*disassembly line*) достигла пределов человеческого тела, вопрос дальнейшего повышения эффективности хозяйства остается на повестке дня. Именно поэтому корпоративная клиника трепетно заботится о здоровье трудящихся. Речь, однако, идет не о своевременном оказании медицинской помощи, дабы снизить количество больничных и объем страховых выплат. Такая критика корпоративных усилий по извлечению прибыли за счет снижения травматизма была бы слишком поверхностной. Наоборот, избегая истрепавшихся пуантов, Бланшетту удастся увидеть новые формы капиталистической власти над человеческими телами.

Интрига в том, что с помощью клиник корпорация буквально ищет в телах рабочих «новые деньги». Так, одна из целей медосмотров состоит в оценке человеческих тел на предмет их пригодности для работы на тех или иных участках линии обвалки. Это позволяет поставить работника на место, подходящее ему по состоянию опорно-двигательного аппарата. Тем самым в стандартизированные тела свиней вложены оцененные и взаимозаменяемые человеческие действия, что приводит к коммерциализации и стандартизации биологии обоих видов. Бланшетт не перестает напоминать читателю, что пространство

промышленной фермы упраздняет иерархию людей и не-людей и идея абстрагированной животной жизни как формы стоимости в данном случае имеет отношение как к свинье, так и к человеку. Здесь, впрочем, надо добавить, что под человеком всегда будет подразумеваться не человеческий вид как таковой, но представитель класса наемных рабочих. Эксперимент по индустриализации животноводства странным образом меняет иерархию видов в пределах рабочего класса, о чем Бланшетт говорит, к сожалению, заметно реже.

Быть может, в каждой хорошей книге существует суждение, которое тем или иным образом проговаривается в каждой из глав, превращаясь в подобие магической формулы. В случае «Поркополиса» это мысль о том, что промышленная свинья незримо присутствует в нашей повседневной жизни. Более подробно эта идея раскрывается в пятой части книги («Внутренности»). Бланшетт указывает, что частица промышленной свиньи содержится прямо в книге, которую держит в руках читатель. И это не фигура речи: имеется в виду желатин, которым пропитаны страницы «Поркополиса» и который получен из свиной шкуры.

Заключительная часть книги посвящена технологиям промышленного рендеринга. Речь идет о «посторганизменной свинине» (*post-organismal hog*), понимаемой как набор отдельных элементов (белки, жиры, аминокислоты и нитраты), из которых можно получить дополнительную прибыль. Промышленную свинью, таким образом, не убивают, но скорее разбирают на части. Она появляется не столько в качестве еды в супермаркетах, сколько становится важным элементом тысячи других потребительских товаров: от кошачьего корма и биотоплива до лапши «рамэн» и фармацевтических препаратов. Короче говоря, индустриальная свинья спроектирована так, чтобы незаметно расселиться в людской рутине. Следовательно, наши повседневные действия подспудно создают стоимость абстрагированной животной жизни, а модель промышленной фермы тем самым прокладывает себе дорогу в будущее. В этом контексте, по мнению Бланшетта, изменить мир промышленного сельского хозяйства, «проголосовав вилкой», не получится, поскольку современные промышленные фермы получают прибыль не за счет мяса. Это и есть тотальность, о которой Бланшетт пишет в самом начале «Поркополиса». Нельзя даже читать книгу о промышленной свинье, не внося скрытый вклад в ее воспроизводство.

В эпилоге «Поркополиса» Бланшетт рассуждает о том, чему нас может научить промышленная ферма, — это странное исключение из привычных представлений о «постиндустриальности»,

которое все чаще становится правилом. Он не призывает нас превратиться в этичных потребителей и вообще крайне удачно уклоняется от обывательского вопроса «Что с этим можно сделать?» По его мнению, сама модальность такого рода вопросов сообщается технократическим воображением, в котором «эксперты» предлагают «умные решения». Автор «Поркополиса» предпочитает говорить о куда более серьезных вещах, ибо жизнь и смерть свиней есть отражение того, как сегодня существуют люди. Выражаясь иначе, свиньи — это органичная часть тотальности капитала. Соответственно, полагает Бланшетт, научившись относиться к свиньям по ту сторону капиталистической занятости и экономической стоимости, мы могли бы лучше научиться жить друг с другом. Каким образом должна осуществляться такая педагогика, автор не проясняет. В конце пятой части, впрочем, упоминается важность отказа от императива эффективности, который лежит в основании идеологии экономического роста. Разрыв с этой идеологией, по-видимому, есть уже вопрос политического праксиса.

В заключение стоит сказать, что читатель «Поркополиса» может быть самым разным: от скучающего фланера со вкусом к социальной критике до исследователя питания, животных или промышленного труда. Более того, Бланшетту удалось написать такую этнографию, которая могла бы стать основой для образовательного курса, поскольку «Поркополис» охватывает большую часть рубрик современной социальной антропологии: телесность, труд, класс, экологию и межвидовое взаимодействие. Курс такой, на мой взгляд, был бы великолепен.

Библиография

- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1952. 508 с.
- Badiou A. Politics Today: Thirteen Theses and Commentaries // Crisis and Critique. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 11–22.
- Besky S., Blanchette A. (eds.). How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet. Albuquerque: SAR Press; University of New Mexico Press, 2019. 272 p.
- Braverman H. Labor and Monopoly Capital. N.Y.: New York University Press, 1974. 465 p.
- Carrier J., Kalb D. (eds.). Anthropologies of Class: Power, Practice, and Inequality. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 248 p.
- Collis S. Once in Blockadia. Vancouver: Talon Books, 2016. 148 p.
- Edensor T. The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space // Environment and Planning D: Society and Space. 2005. Vol. 23. No. 6. P. 829–849. doi: 10.1068/d58j.
- Federici S. Wages Against Housework. L.: Power of Women Collective, 1975. 8 p.

- Gramsci A.* Selections from the Prison Notebooks. N.Y.: International Publishers, 1971. 483 p.
- Haraway D.* When Species Meet. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 360 p.
- Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 478 p.
- Herzfeld M.* Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell; UNESCO, 2001. 388 p.
- Kasmir S., Carbonella A.* Dispossession and the Anthropology of Labor // Critique of Anthropology. 2008. Vol. 28. No. 1. P. 5–25. doi: 10.1177/0308275X07086555.
- Kohn E.* How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human. Berkeley, CA: University of California Press, 2013. 288 p.
- Mintz S.* Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. N.Y.: Penguin, 1986. 274 p.
- Moore J.* Capitalism in the Web of Life. N.Y.: Verso, 2015. 336 p.
- Moore J.* Empire, Class and the Origins of Planetary Crisis: The Transition Debate in the Web of Life // Esboços: Histórias em Contextos Globais. 2021. Vol. 28. No. 49. P. 740–763.
- Raffles H.* Insectopedia. N.Y.: Vintage, 2010. 480 p.
- Robbins J.* Beyond the Suffering Subject: Toward an Anthropology of the Good // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 447–462.
- Rubin G.* The Traffic in Women: Notes on the “Political Economy” of Sex // Reiter R. (ed.). Toward an Anthropology of Women. N.Y.: Monthly Review, 1975. P. 157–210.
- Tsing A.* On Nonscalability: The Living World Is Not Amenable to Precision-Nested Scales // Common Knowledge. 2012. Vol. 18. No. 3. P. 505–524. doi: 10.1215/0961754X-1630424.
- Tsing A.* The Mushroom at the End of the World. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. 352 p.
- Weeks K.* The Problem with Work: Marxism, Feminism, and Post-work Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2011. 287 p.
- Yanagisako S.* Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. 248 p.

Степан Петряков

A Review of Alex Blanchette, *Porkopolis: American Animality, Standardized Life, and the Factory Farm*. Durham, NC: Duke University Press, 2020, 320 pp.

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

The book depicts a dynamic experiment in industrializing the pork industry in the post-industrial United States. The author demonstrates how in the heart of the Global North corporations seek to create and maintain the life of a standardized industrial pig which serves as a source material for more than a thousand commodities. “Porkopolis” introduces the reader to the workplaces of a factory farm that changes the daily lives of workers and the hierarchy of humans and non-humans. Thereby it opens the possibility of reimagining life shared with other species. A rich ethnography, equally sensitive to both phenomenology and the political economy of labor, challenges some aspects of contemporary Euro-American common sense. Industrialization as a basic feature of the capitalist mode of production still plays a fundamental role in agriculture, and changing the basis of industrial food production is not possible by transforming individual consumption practices.

Keywords: capitalism, labor, animal studies, food, industrialization, USA.

References

- Badiou A., ‘Politics Today: Thirteen Theses and Commentaries’, *Crisis and Critique*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 11–22.
- Besky S., Blanchette A. (eds.), *How Nature Works: Rethinking Labor on a Troubled Planet*. Albuquerque: SAR Press; University of New Mexico Press, 2019, 272 pp.
- Braverman H., *Labor and Monopoly Capital*. New York: New York University Press, 1974, 465 pp.
- Carrier J., Kalb D. (eds.), *Anthropologies of Class: Power, Practice, and Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 248 pp.
- Collis S., *Once in Blockadia*. Vancouver: Talon Books, 2016, 148 pp.
- Edensor T., ‘The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space’, *Environment and Planning D: Society and Space*, 2005, vol. 23, no. 6, pp. 829–849. doi: 10.1068/d58j.
- Federici S., *Wages Against Housework*. London: Power of Women Collective, 1975, 8 pp.

- Gramsci A., *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers, 1971, 483 pp.
- Haraway D., *When Species Meet*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008, 360 pp.
- Hardt M., Negri A., *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000, 478 pp.
- Herzfeld M., *Anthropology: Theoretical Practice in Culture and Society*. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell; UNESCO, 2001, 388 pp.
- Kasmir S., Carbonella A., 'Dispossession and the Anthropology of Labor', *Critique of Anthropology*, 2008, vol. 28, no. 1, pp. 5–25.
doi: 10.1177/0308275X07086555.
- Kohn E., *How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human*. Berkeley, CA: University of California Press, 2013, 288 pp.
- Marx K., *Capital: A Critique of Political Economy*. New York: Vintage, 1977 [1867], vol. 1, 1152 pp.
- Mintz S., *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York: Penguin, 1986, 274 pp.
- Moore J., *Capitalism in the Web of Life*. New York: Verso, 2015, 336 pp.
- Moore J., 'Empire, Class and the Origins of Planetary Crisis: The Transition Debate in the Web of Life', *Esboços: Histórias em Contextos Globais*, 2021, vol. 28, no. 49, pp. 740–763.
- Raffles H., *Insectopedia*. New York: Vintage, 2010, 480 pp.
- Robbins J., 'Beyond the Suffering Subject: Toward an Anthropology of the Good', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2013, vol. 19, no. 3, pp. 447–462.
- Rubin G., 'The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex', Reiter R. (ed.), *Toward an Anthropology of Women*. New York: Monthly Review, 1975, pp. 157–210.
- Tsing A., 'On Nonscalability: The Living World is Not Amenable to Precision-Nested Scales', *Common Knowledge*, 2012, vol. 18, no. 3, pp. 505–524.
doi: 10.1215/0961754X-1630424.
- Tsing A., *The Mushroom at the End of the World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, 352 pp.
- Weeks K., *The Problem with Work: Marxism, Feminism, and Post-work Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press, 2011, 287 pp.
- Yanagisako S., *Producing Culture and Capital: Family Firms in Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002, 248 pp.